

Александр Восьмой

**Боевик Багровый горизонт
(Даффи Толстяк)**

Александр Восьмой

Боевик Багровый
горизонт (Даффи Толстяк)

«Автор»

2026

Восьмой А.

Боевик Багровый горизонт (Даффи Толстяк) / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Багровый горизонт: рассвет без надежды. На востоке поднимается багровое солнце, и с ним приходит армия Железной Орды, не знающая усталости. Отряд из последних защитников должен удержать перевал любой ценой — даже если для этого придётся пожертвовать всем, что им дорого.

Александр Восьмой

Боевик Багровый

горизонт (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Багровое знамя над горами»

Рассвет не пришёл — он ворвался, как удар клинка.

Багровое солнце, будто раскалённый осколок чужого мира, вздымалось над пиками, окрашивая скалы в цвет запекшейся крови. Тени, длинные и хищные, ползли по ущелью, сливаясь с остатками ночной тьмы, словно сама гора пыталась спрятать от этого света всё, что ещё дышало. Ветер, ледяной и острый, как лезвие, нёс запах гари и железа — запах, который защитники перевала уже научились узнавать задолго до первого крика.

У подножия перевала, там, где скалы сжимали дорогу в узкий, непроходимый для армии коридор, стоял отряд последних защитников. Их было мало — слишком мало для такой стены, слишком мало для такого рассвета. Но каждый из них стоял так, будто за его спиной не просто ущелье, а весь мир, который нельзя отдать.

Командир стоял на выступе, выше остальных, и смотрел на восток так, словно мог силой воли остановить эту багровую волну. Его плащ, потрёпанный в десятках боёв, трепетал на ветру, а рука сжимала рукоять меча не от готовности к удару, а от привычки держать что-то твёрдое, когда всё вокруг рушится. Рядом с ним, чуть ниже, замерли остальные — каждый в своей тишине, каждый со своим грузом.

Юный мечник Кай, едва успевший сменить страх на решимость, проверял защёлки на доспехах, будто надеялся, что если всё будет идеально закреплено, то и судьба не посмеет сорвать хоть одну пряжку. Его пальцы дрожали, но он прятал это, стискивая металл до побеления костяшек.

Ветерана Рана, покрытого шрамами, как картой старых войн, почти не было видно за массивным щитом. Он не смотрел на горизонт — он смотрел на дорогу, на камни, на трещины в скалах. Он знал: враг придёт не с неба, а по земле, шаг за шагом, и именно там, в этих трещинах, будет решаться всё.

Лира, целительница с глазами, в которых отражались не звёзды, а чужие боли, тихо шептала что-то над маленькими флаконами с зельями. Её движения были точными, почти ритуальными — она не верила в магию, но верила в то, что если сделать всё правильно, то кто-то сегодня вернётся живым.

А где-то в тени, почти сливаясь с камнем, стоял Зор, снайпер с ледяным спокойствием и взглядом, способным разрезать расстояние. Он уже выбрал три точки, где появятся первые командиры Орды. Он не волновался — он просто ждал, когда тени станут короче.

Разведчики вернулись бегом, тяжело дыша, с глазами, расширенными от того, что они видели там, за изгибом дороги. Один из них, совсем мальчишка, едва смог выдавить слова:

— Они идут... сплошной лавиной. Авангард уже в трёх часах. Их столько, что земля дрожит.

Тишина, повисшая после этих слов, была тяжелее любого крика. Даже ветер, казалось, замер, прислушиваясь.

Командир медленно опустил взгляд с горизонта на лица своих людей. В его глазах не было ни утешения, ни обещаний. Только сталь и правда, которую нельзя спрятать за красивыми словами.

— Перевал не сдавать, — произнёс он тихо, но так, что каждый услышал, будто это прозвучало внутри его собственной груди. — Ни при каких условиях. Даже если придётся стоять на одном колене. Даже если останется только один.

Кто-то тихо сглотнул. Кто-то крепче сжал оружие. Кто-то просто кивнул, как будто этим кивком подтверждал не приказ, а свою собственную клятву.

И в этот момент багровое солнце коснулось вершины скалы, и тень от знамени, потрёпанного в сотнях битв, легла на камни, как печать. Оно было почти чёрным, с выцветшим узором, который уже никто не мог разобрать. Но все знали: это знамя видело больше рассветов, чем любой из них. И сегодня оно должно было увидеть ещё один.

Лязг металла — кто-то проверил защёлку, кто-то подтянул тетиву, кто-то просто коснулся клинка, проверяя, достаточно ли он острый. Тишина перед бурей стала осязаемой, плотной, как броня. Она обволакивала, давила, но в то же время держала на ногах.

Где-то далеко, за горизонтом, раздался первый рог. Он прозвучал не как предупреждение — он прозвучал как приговор. И эхо, прокатившееся по ущелью, было не голосом гор, а голосом войны, которая наконец нашла это место.

Кай сжал рукоять меча и впервые за долгое время перестал бояться. Потому что страх теперь был не главным. Главным было то, что стояло между ним и этим багровым рассветом.

— Держать строй, — голос командира прозвучал ровно, без эмоций, как приказ самой судьбе. — Пусть они увидят, что здесь не просто стена. Здесь — граница.

И когда первый луч солнца ударил в острие меча Рана, металл вспыхнул, как обещание: этот перевал не падёт сегодня. Даже если для этого придётся заплатить всем, что дорого. Даже если цена окажется выше, чем кто-либо сможет вынести.

Ветер снова рванул плащ командира, и знамя, подхваченное порывом, взметнулось вверх, на мгновение заслонив собой багровый горизонт. И в этом движении было что-то большее, чем ткань и нити. В нём была воля. В нём была надежда, упрятанная так глубоко, что её почти не было видно. Но она была.

И этого было достаточно, чтобы стоять.

Глава 2. «Сталь и клятвы»

Солнце, будто раскалённый клинок, висело над горами, и его багровый свет не грел — он прожигал. Тени стали короче, резче, как будто сами скалы пытались оттолкнуть этот свет, чтобы не выдать ни единого движения. Перевал гудел от напряжения: по камням стучали молотки, вбивая железные скобы; натягивали цепи, чтобы перегородить проходы; укладывали валуны, превращая природную крепость в ловушку. Каждый удар эхом отдавался в груди, напоминая: время уходит.

Кай, молодой мечник с горящими глазами и слишком чистыми доспехами, таскал тяжёлые мешки с песком, чтобы укрепить баррикаду. Его руки уже ныли, но он не останавливался — словно боялся, что если сделает паузу, то услышит собственный страх.

— Не гони так, — бросил ему Ран, ветеран с лицом, изрезанным шрамами, как карта старых битв. — Ты сломаешься до первого удара. Здесь не скорость нужна, а упорство.

— А если упорства не хватит? — огрызнулся Кай, вытирая пот рукавом. — Если их правда столько, сколько говорят? Мы же просто... заслон. Временный.

Ран хмыкнул, поправляя тяжёлый щит, и посмотрел на него так, будто видел не юношу, а тень кого-то, кого уже давно похоронил.

— Временный заслон — это тоже работа. Иногда самая важная. Кто-то должен стоять, пока другие бегут. Кто-то должен стоять, даже когда бежать уже некуда.

Кай хотел возразить, но слова застряли в горле. Он вдруг понял, что Ран не утешает — он просто говорит то, что знает наверняка.

В стороне, у небольшого костра, Лира раскладывала свои флаконы и бинты, проверяя запасы с почти ритуальной тщательностью. Её движения были спокойными, но в глазах мелькала тень, которую она старательно прятала. Она знала: сегодня эти травы и порошки не спасут

всех. Возможно, не спасут никого. Но она всё равно проверяла каждую склянку, как будто сама эта точность могла обмануть судьбу.

Зор, молчаливый снайпер, сидел на выступе, почти сливаясь с камнем. Его взгляд скользил по горизонту, выискивая малейшее движение. Он не участвовал в спорах, не раздавал советов — он просто ждал. Для него клятвы звучали не словами, а прицельной сеткой, в которую рано или поздно попадёт чья-то жизнь.

Спор вспыхнул у баррикады, где собрались те, кто ещё мог спорить.

— Мы должны отступить, — настаивал Кай, голос его звенел от напряжения. — Если мы уйдём сейчас, мы сможем собрать силы, ударить с фланга... Мы не должны просто ждать, пока нас раздавят!

— И куда мы пойдём? — холодно спросил Ран. — На восток — Орда. На запад — обрывы. На север — заминированные тропы, которые мы сами заложили. Отступить некуда. Да и незачем. Мы здесь не для того, чтобы выжить. Мы здесь, чтобы задержать.

— Но это несправедливо! — выкрикнул Кай. — Мы же люди, а не камни! У нас есть семьи, мечты... Я хотел увидеть море. Я хотел...

— Море подождёт, — оборвал его Ран, и в его голосе не было жестокости — только усталость, тяжёлая, как старый доспех. — Или не подождёт. Но если мы сейчас уйдём, море увидит только пепел.

Лира подняла голову, и её голос прозвучал неожиданно твёрдо:

— Хватит. Хватит спорить о том, чего мы не можем изменить. Давайте лучше скажем то, что должны сказать друг другу. Пока ещё можем.

Тишина опустилась на перевал, густая и тяжёлая, как дым. И в этой тишине каждый вдруг почувствовал, насколько хрупка эта связь между ними — тонкая, как лезвие, но единственная, что держала их вместе.

— Я клянусь, — тихо произнёс Кай, глядя не на товарищей, а на багровое небо, будто обращаясь к самому рассвету, — что не отступлю. Даже если ноги откажутся держать. Даже если рука дрогнет. Я не дам им пройти.

Ран усмехнулся, но в этой усмешке не было насмешки — только горькое признание:

— Я клянусь, что не буду жалеть. Ни себя, ни вас. Жалость — это роскошь, которую мы не можем себе позволить. Пусть лучше меня проклинают за жёсткость, чем оплакивают за слабость.

Лира опустила глаза, и её клятва прозвучала почти шёпотом, но от этого стала только сильнее:

— Я клянусь, что сделаю всё, что смогу. Даже если этого будет мало. Даже если я не смогу спасти всех... я не сдамся, пока бьётся сердце.

Зор не произнёс ни слова. Вместо этого он медленно поднял руку и коснулся края своего прицела — единственный жест, который был ему нужен. В этом движении была своя клятва: он не промахнётся. Он сделает то, что должен.

Ветер снова рванул знамя, и оно хлопнуло, как удар барабана, заставляя всех вздрогнуть и вернуться к реальности.

И именно в этот момент дозорный, стоявший на самой высокой точке перевала, закричал:

— Сигнальные огни! На востоке! Они разворачиваются!

Все головы повернулись к горизонту. Там, в багровой дымке, мерцали точки — холодные, безжалостные, как глаза хищника, который наконец нашёл свою добычу. Огоньки вспыхивали и гасли, передавая приказы, выстраивая ряды, готовясь к удару. Железная Орда не торопилась. Она не знала усталости. Она знала только одно: перевал должен пасть.

Кай сжал рукоять меча так, что побелели костяшки. Ран проверил защёлки на щите, привычным движением, без суеты. Лира быстро собрала флаконы в сумку, готовясь к тому, что

скоро они понадобятся. Зор поднялся, сливаясь с тенью, и исчез среди камней — он уже нашёл свою позицию.

Командир подошёл к отряду, и его голос прозвучал ровно, без пафоса, но в нём была сила, способная удержать даже лавину:

— Это не конец. Это начало. Держите строй. Держите клятвы. Пусть они видят, что здесь не просто стена. Здесь — граница, которую нельзя пересечь без цены.

Багровое солнце коснулось вершин, и тени снова удлинлись, будто сама земля пыталась спрятать тех, кто стоял на её защите. Но они не прятались. Они стояли. И в этом была их сила — в том, что они выбрали остаться, даже когда всё говорило об обратном.

Перевал ждал. И Орда шла.

Глава 3. «Первый гром: остриё удара»

Первый гром не пришёл с неба — он родился из железа.

Он накатился на перевал тяжёлой, ритмичной поступью, будто сама земля начала отбивать такт чужой, безжалостной маршевой песни. С флангов, где скалы немного расступались, показались первые волны Железной Орды — не хаотичная толпа, а идеально выверенный строй: щиты, сомкнутые в единую стальную стену, копья, поднятые под одним углом, шлемы, отливающие багровым в свете восходящего солнца. Они не бежали — они шли, как механизм, которому не нужно дышать, не нужно бояться, не нужно сомневаться.

Кай стоял на передовой, прижимаясь спиной к шершавому камню, и пытался унять дрожь в пальцах. Он смотрел на эту стену и не мог поверить, что сейчас придётся ударить по ней. Что придётся проверить, насколько крепка его собственная сталь.

— Держать линию! — голос командира прозвучал над перевалом, перекрывая нарастающий гул. — Не поддаваться на провокации! Они проверяют нас — не давайте им повода прорваться!

И тут грянул первый залп.

Не стрелы — болты тяжёлых арбалетов, вылетевшие из-за щитов с пугающей синхронностью. Они ударили по баррикадам, высекая искры, кроша камень, заставляя воздух звенеть от напряжения. Один болт вонзился в щит Рана с такой силой, что ветеран пошатнулся, но не отступил.

— Вот и началось, — процедил он сквозь зубы, плотнее прижимая щит к груди. — Держи строй, мальчишка! Не смотри на них — смотри на щель между щитами! Там их слабость!

Кай кивнул, хотя внутри всё кричало. Он поднял меч, чувствуя, как рукоять будто стала тяжелее, и в тот же миг первая волна ударила в баррикаду.

Столкновение металла с металлом прозвучало как раскат грома. Щиты содрогнулись, цепи натянулись до предела, камни затряслись. В воздухе закружились искры, осколки, пыль — и сквозь эту пелену начали проступать фигуры врагов: тяжёлые, закованные в броню, с лицами, скрытыми за глухими шлемами. Они не кричали, не ревели — они просто давили, шаг за шагом, метр за метром, словно сама их воля была оружием.

С фланга, где узкий проход сужался до щели, в которую едва мог протиснуться один воин, началась настоящая мясорубка. Зор работал оттуда, как тень: короткий выстрел, вспышка, и один из вражеских командиров оседал, сбивая строй. Ещё выстрел — ещё одна брешь. Он не целился в грудь — он целился в сочленения доспехов, в щели забрала, в моменты, когда враг поднимал щит, чтобы ударить. Его хладнокровие было страшнее любого крика.

Лира держалась позади, в небольшой нише, куда не доставали болты. Она перевязывала лёгкие раны, давала воду, шептала короткие слова, которые не были молитвами, но звучали как заклинания: «Держись... ещё немного... ты нужен здесь». Её руки двигались быстро, точно, без лишней суеты, но в глазах читалась тревога — она знала, что скоро её работа станет тяжелее.

А потом Кай увидел, как один из молодых бойцов, совсем мальчишка, поскользнулся на обломках камня и рухнул прямо перед линией врага. Щит его отлетел в сторону, и на мгновение он остался открыт — беззащитный, ошеломлённый, с расширившимися от ужаса глазами.

И в этот миг Кай не думал. Он просто рванулся вперёд, сквозь искры, сквозь крики, сквозь стену чужого железа, которая уже тянулась к мальчишке стальными перчатками. Его меч ударил по древку копья, отклоняя удар, щит врезался в колено врага, сбивая его с ритма. Он схватил мальчишку за воротник и дёрнул назад, в укрытие, в спасительную тень баррикады.

Но один из врагов успел среагировать. Клинок скользнул по боку Кая, разрывая ткань и кожу, и боль вспыхнула, как молния. Он стиснул зубы, не позволяя себе даже вскрика, и оттолкнул мальчишку глубже в укрытие.

— Беги к Лире! — прохрипел он, поворачиваясь обратно к линии боя, чувствуя, как тёплая кровь стекает по боку, но не позволяя этому знанию остановить его. — Не стой тут!

Мальчишка исчез в дыму, а Кай снова встал в строй, хотя каждый вдох теперь отдавался резкой болью.

Ран, увидев это, только коротко кивнул — в этом кивке было больше признания, чем в любой похвале.

— Ты сделал то, что должен был, — бросил он, отбивая очередной удар. — Теперь держись рядом. Твоя храбрость хороша, но без головы она тебя убьёт.

Бой кипел, перекачиваясь от одного участка к другому. То казалось, что защитники держат линию, то вдруг волна врагов прорывалась чуть дальше, заставляя отряд отступать на полшага, закрепляться на новой точке, снова встречать удар. Это была не битва — это была проверка: на прочность, на выносливость, на способность стоять, когда каждый следующий удар тяжелее предыдущего.

И вдруг, так же внезапно, как начался, натиск стих.

Волны врагов откатились назад, оставляя на камнях сломанные копья, разбитые щиты и тёмные пятна крови. Строй Железной Орды выровнялся, отступил на безопасное расстояние, и тишина, наступившая после грохота, показалась почти нереальной.

Дозорные на выступе замерли, всматриваясь в даль, пытаясь понять, что это значит.

— Это не отступление, — произнёс Зор, опуская прицел и глядя туда, где в багровой дымке снова мерцали сигнальные огни. — Это пауза. Они проверяли нашу оборону. Смотрели, где мы сильны, а где слабы.

Командир медленно обвёл взглядом линию обороны: лица, покрытые копотью и кровью, глаза, в которых усталость боролась с решимостью, руки, всё ещё сжимающие оружие, будто оно было единственным якорем в этом хаосе.

— Первый удар был пробным, — тихо, но так, чтобы услышали все, сказал он. — Они искали брешь. И теперь знают, где её нет. Значит, следующий удар будет там, где мы слабее всего. Мы должны быть готовы.

Кай прижал ладонь к ране, чувствуя, как ткань быстро пропитывается кровью, но не позволил себе опуститься на землю. Он посмотрел на Рана, на Лиру, на Зора — на тех, кто стоял рядом, кто не отступил, кто держал линию, когда казалось, что её уже нет.

— Мы удержим перевал, — прошептал он, скорее себе, чем кому-то ещё. — Даже если придётся стоять на одном колене.

Багровое солнце поднималось всё выше, окрашивая скалы в цвет, который уже не казался просто красивым — он казался проклятием, знаком того, что этот день не будет лёгким. Но в то же время он был и обещанием: пока солнце светит, пока тени падают на камни, пока сталь звенит о сталь — перевал не падёт.

Потому что здесь стояли те, кто знал цену каждому метру. Те, кто был готов заплатить её.

И они знали: это была только разведка боем.

Главный штурм был впереди.

Глава 4. «Цена молчания»

Когда стихает гром битвы, громче всего звучит тишина.

Она ложится на перевал тяжёлым покрывалом, глуша даже эхо последних ударов. Камни, ещё недавно звеневшие от стали, теперь впитывали остывающую кровь и хранили молчание, будто стыдились того, что видели. На фоне багрового неба, которое никак не желало становиться алым от заката, отряд хоронил павших.

Они не могли позволить себе долгих речей. Не было времени, не было слов, способных вместить всю тяжесть утраты. Каждый камень, уложенный поверх тела товарища, становился не просто надгробием — он становился печатью: «Ты не забыт. Ты был здесь. Ты держал линию». Кай, с перевязанным боком, где ткань уже потемнела от крови, укладывал плоский валун на могилу мальчишки, которого он вытащил из-под удара. Его пальцы дрожали, но он не позволял себе остановиться.

— Прости, — прошептал он, не зная, к кому обращается — к мёртвому, к судьбе, к самому себе. — Я не успел... Я не смог...

Ран положил тяжёлую руку ему на плечо, и в этом жесте не было утешения — только признание: да, это тяжело, да, это несправедливо, но сейчас нужно просто стоять.

— Мы держим строй не только против них, — тихо сказал ветеран, кивнув в сторону горизонта, где тьма уже начинала пожирать багровые отсветы. — Мы держим его и против этого. Против того, что хочет сломать нас изнутри.

Лира двигалась между ранеными, её пальцы скользили по бинтам, по склянкам, по лицам, искажённым болью. Её движения были точными, почти механическими — так она прятала то, что рвалось изнутри. В её сумке оставалось всего несколько пузырьков с обезболивающим, горсть сухих трав, которые едва ли могли помочь при серьёзных ранах, и горькое знание, которое жгло сильнее любой раны.

Она знала слабость командира.

Не физическую — ту, что можно залечить бинтом или зельем. А ту, что прячется в глазах, когда он думает, что никто не смотрит. Командир, державший отряд на одной только воле, уже сутки не смыкал глаз. Его рука иногда подрагивала, когда он касался карты, а взгляд на мгновение становился пустым, будто он видел не скалы и тропы, а что-то, чего не должны видеть живые. Лира видела это. Она знала, что если сейчас сказать хоть слово, если дать понять, что его усталость заметна, боевой дух отряда может треснуть, как тонкий лёд под тяжёлой броней.

И она молчала.

Это молчание было её собственной битвой — тихой, невидимой, но не менее жестокой. Она платила за него каждым взглядом, который отводила, каждой фразой, которую не произносила, каждым вздохом, который задерживала.

— У нас почти ничего не осталось, — тихо сказал Зор, подходя к Лире и указывая на ящики с боеприпасами. Их было мало — слишком мало для того, что ждало впереди. Несколько десятков болтов для арбалетов, горсть стрел, патроны, которых едва хватит на один серьёзный штурм. Провизии — на день, может, на полтора, если экономить.

— Значит, будем экономить не еду, а силы, — ответила Лира, не поднимая глаз. — И надеяться, что подкрепление успеет раньше, чем закончится сталь.

Но в её голосе не было надежды. Только холодная готовность принять то, что может случиться.

Ночь опустилась на перевал, как тяжёлая броня, сковывая движения и обостряя слух. В темноте каждый шорох казался шагом врага, каждый порыв ветра — криком. Зор занял позицию на выступе, слившись с камнем, его прицел скользил по теням, выискивая малейшее движение. Кай, несмотря на рану, вызвался в дозор — он боялся, что если ляжет, то не сможет

снова встать. Ран проверял укрепления, ощупывая каждую цепь, каждый болт, будто надеялся, что если всё будет держаться, то и отряд устоит.

А командир стоял у знамени, глядя на звёзды, которых почти не было видно из-за багрового отсвета на горизонте. Его плечи были опущены чуть ниже обычного, а пальцы сжимали рукоять меча не для удара, а чтобы почувствовать что-то реальное, что-то твёрдое в мире, который становился всё более зыбким.

Именно в этот момент дозорный на южной тропе закричал:

— Чужой! В тени у расщелины!

Звук был резким, как удар хлыста, и все мгновенно оказались на ногах, оружие в руках, взгляды направлены в одну точку — туда, где тень казалась чуть темнее остальных, чуть подвижнее, чуть... неправильнее.

Зор уже был там — быстрый, бесшумный, как сама ночь. Он прыгнул вперёд, и в темноте сверкнуло лезвие. Схватка была короткой, яростной, почти беззвучной — только удары металла, тяжёлое дыхание и хруст камня под сапогами. Лазутчик Орды был ловок, быстр, но Зор был холоднее, расчётливее.

В последний момент, когда клинок Зора уже почти достиг цели, лазутчик рванулся в сторону, выхватил небольшой сигнальный фонарь и дёрнул рычаг. Вспышка света разрежала тьму, как нож, и на мгновение осветила его лицо — холодное, сосредоточенное, лишённое страха. А затем клинок Зора завершил то, что должно было быть завершено.

Тишина вернулась, но теперь она была другой — наполненной осознанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.